

Во-вторых, на основе второго плана можно угадать перспективы, выдвигаемые Рикордом. Например, он хотел строить собор, духовное училище, ремесленную школу, три казармы, городскую больницу, почтовую экспедицию, канцелярию начальника Камчатки, офицерский флигель, полицию, гостиный двор, площадь для обучения матросов, плац-парадную площадь, гауптвахту, караулку для портового служителя, кладовую, мастерские, сарай, магазины провиантские и экипажные, кузнечную, слесарную, котельную, арсенал цейхгауз, пильную мельницу и «батарею о пушках» и т. д. Словом, он хотел переделать Петропавловск в современный международный торговый и военный порт.

В-третьих, его план не полностью осуществлен. Но благодаря его старанию были открыты больницы и ремесленная школа, духовное училище, построены казармы, жилые и казенные дома, оформлена площадь.

Заключение

Когда Рикорд был назначен начальником Камчатки, окружающая его обстановка была следующей: за границами Российской империи европейские державы обращали обостренное внимание на северо-восточные районы Тихого океана; развитие китобойного промысла в прикамчатских морях заставляло русское правительство принять дополнительные меры по укреплению Петропавловского порта. А в стране произошли существенные изменения в связи с интенсивным развитием Российско-Американской компании и организацией русских морских кругосветных экспедиций (6, с. 97). Авачинская губа приобрела славу одной из лучших гаваней мира. Этому во многом способствовал план города Петропавловска, разработанный Рикордом, перспектива которого во многом соответствовала политике Российской империи.

1. Витер И. В., Смышляев А. А. Город над Авачинской бухтой (история города Петропавловска-Камчатского). Петропавловск-Камчатский, 2000. 208 с.

2. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740–1990. Петропавловск-Камчатский, 1994. 504 с.

3. Такадая К. Такадая Кахэй сояку дзики (Воспоминания о беде Т. Кахэя). 1856. Без нумерации.

4. Рикорд П. И. О состоянии полуострова Камчатки и о благотворительных заведениях в оной учреждаемых // Журнал Императорского Общества. 1819. Ч. 8.

5. О мерах, принятых Начальником Камчатки к спасению жителей от заразных болезней // Полное Собрание Законов Российской Империи. Т. XXXVI.

6. Камчатка, XVII–XX вв. : историко-географический атлас / под общ. ред. Н. Д. Жданова, Б. П. Полевого. М. : Федеральная служба геодезии и картографии России, 1997. 112 с.

П. Л. Калмыков ВТОРОЙ АДМИРАЛ

В 1854 году шла Крымская война. Петропавловск-Камчатский подвергся нападению англо-французской эскадры, превосходящей силы города численно и оружием. Героическая оборона вошла славной страницей в историю Камчатки и России; агрессоры ушли несолоно хлебавши, с огромными потерями.

Тяжесть поражения союзников усугублена смертью командующего: в день назначенного штурма погиб от собственной пули английский контр-адмирал Дэвид Прайс. Умирая, Прайс называл свою смерть преступлением и скорбел о судьбе солдат, матросов и офицеров, славных парней, из которых многие найдут могилу здесь, за полсвета от дома.

«Нет сомнения, что трагическая смерть его (Прайса) обескуражила англичан и, предоставив лишь только тень командования в руки храброго, честного, но не пользующегося популярностью адмирала Депуанта, много содействовала неудаче союзников», – так написал русский мичман Н. А. Фесун, участник событий и дотошный исследователь (1, с. 152). Действительно, у эскадры был второй адмирал, но чем он снискал такую непопулярность? «Французский адмирал (бедный старик, который в юности был пажом императрицы Жозефины)...» – пишет в частном письме английский лейтенант Палмер (2, с. 204).

Стар, слаб, нерешителен. Как такому человеку могли доверить флот? Как он вообще мог стать контр-адмиралом?

Не странно ли, однако, что именем заурядной личности назвали одну из главных улиц бретонского города Гидель? Улицу в городке Вале-дю-Тир в Новой Каледонии? Бухту в той же Новой Каледонии? (3). За что его портрет изображен на почтовой марке и даже на пятидесятифранковой купюре Французской Полинезии? (По ироническому совпадению на российской купюре в 5 000 руб. изображен граф Н. Н. Муравьев-Амурский, заочный победитель Феврье-Депуанта в 1854 г.) Уж не камчатским ли походом заслужена такая честь?

Литературные портреты Депуанта можно найти в романах Н. П. Задорнова «Война за океан» (1960) и А. М. Борщаговского «Русский флаг» (1953), но портреты фантастичные. В настоящее время Интернет дает нам возможность собрать некоторые факты, найти сведущих людей и дать ответы на вопросы:

1. Кто такой адмирал Депуант?
2. Чем славен?
3. Отчего был так непопулярен?

Начать следует с происхождения: в нем скрыты некоторые подсказки. Настоящее имя нашего героя – Огюст Феврье-Депуант (August Febvrier-Despointes). Фамилия двойная и юридически неразъемная, она и значится во всех военно-морских документах; и лишь в последние годы жизни адмирал стал подписываться «F. des Pointes», с намеком на дворянство. Потому даже во французской литературе существуют разночтения имени (не говоря уж о русской: Фебрие или Февриэ; де-Пуант/Де Пуанте/Депуантес/Дюпойнт/дес-Пуэнт...).

Сохранилась крестильная запись будущего контр-адмирала. Из нее мы достоверно знаем, что Огюст родился 29 апреля 1796 г. в городке Воклен (Vauclain) на острове Мартиника, он был четвертым сыном Николя Феврье-Депуанта, (Nicolas François Marie Febvrier-Despointes (1755–1805)), помощника батальонного майора (отец в момент крещения сына находился в Новой Англии) и Луизы Камиллы, урожденной Дюваль де Гренонвиль.

Отец был богат, но никакого дворянского титула не имел, а что до двойной фамилии – на Мартинике было в ходу присоединять имена свойственников. Николя происходил из семьи Феврье-Ламот, но вторую часть фамилии получил от родственников Юиг-Депуантов.

Население Мартиники на 80 % составляли черные рабы. Великая Французская Революция хоть и отменила рабство, но Мартиники это не коснулось: почти весь XVIII век остров провел под властью Британии. Получается, Огюст Ф.-Депуант появился на свет на территории Британской империи.

Англичан на Мартинике не любили, но поддерживали те, кто не хотел терять своих рабов. И когда в 1802 г. по Амьенскому миру Мартиника отошла к Франции, то Жозефина, супруга Наполеона, убедила мужа сохранить на острове рабство. Сама уроженка Мартиники, она решила, что так будет спокойнее. Какое там! На острове волновались негры, обманутые в ожиданиях, да и среди белого населения зрела распря. Англия, сразу пожалев о своей уступке, направила в Вест-Индию эскадру адмирала Худа.

В эскадре Худа к Малым Антильским островам прибыл юный моряк Дэвид Прайс. Он уже успел повоевать под Копенгагеном, а здесь, в перестрелках с батареями Мартиники, получил звание мичмана. Это был 1803 год, Прайсу стукнуло 13, Огюсту Феврье-Депуанту 7 лет. Адмиралы не могли не вспоминать свое военное детство. С какими чувствами – кто знает?..

Но тут всплывают слова английского лейтенанта Палмера: «Французский адмирал... в юности был пажом императрицы Жозефины...». Кто мог поведать об этом, кроме самого адмирала? Жозефина – это Елисейский дворец, Наваррский замок, Мальмезон... После развода с Наполеоном двор императрицы не утратил пышности, при ней состояли 40 мальчиков-пажей в возрасте от 7 до 14 лет. Каждый сыт, присмотрен, одет в шелк и бархат. Хотя и – не мамин дом, служба, муштра и наверняка «дедовщина». В старости контр-адмирал с улыбкой называл императрицу Жозефину своей «крестной матерью» (4, с. 172). (Как нам не вспомнить Золушку, фею-крестную, мальчика-пажа, который «не волшебник, а только учится».) Как не вспоминать было контр-адмиралу свою покровительницу, к тому же родную бабушку императора Наполеона III...

Не торопитесь верить! Старый адмирал был фантазером. Однажды в присутствии епископа Кимперского он назвал себя его бывшим учеником, то есть воспитанником начальной школы Братства Христианской Доктрины в Бретани (5, с. 426). Либо это сказал сам епископ – во всяком случае, не возразил. По всей вероятности, в Бретани и прошло отрочество Огюста.

А вот факт достоверный: в 1811 г. 15-летний Огюст поступил во Флотскую школу в Бресте. (И в ту же осень Дэвид Прайс, герой-лейтенант, прошедший огонь и воду, выбыл из строя на год – хирург вытащил из гноящегося бедра четырехдюймовый обломок французского штыка.) Шли Наполеоновские войны (события 1812 г. нам, россиянам, напоминать не надо!). Огюст не воевал, учился: императоры приходят и уходят, а морские офицеры нужны всегда.

Наконец в августе 1814 г. аспирант I класса (младшее офицерское звание, вроде гардемарина) Феврье-Депуант взобрался на борт фрегата «Duchesse-d'Angoulême» («Герцогиня Ангулемская»). (Названия французских кораблей в оригинале пишутся с артиклями: «La Duchesse-d'Angoulême», «La Forte»). В английском или русском тексте артикль обычно опускается, ибо не является частью названия). Он отправился в боевой поход к Антильским островам. Противником Франции оставалась Британия, а союзником – Соединенные Штаты (для них это была Вторая война за независимость). В ту войну родились строки американского гимна: «И разрывы в ночи озаряли наш флаг...» – так увековечена бомбардировка балтиморского форта Мак-Генри, а стрелял-то по форту монитор «Volcano» под началом командера Прайса! Но снова судьба развела будущих контр-адмиралов. В октябре 1814 г. американская пуля пробила ногу Дэвида Прайса. Он выздоровел, а год спустя отправлен в отставку в чине кэптана – на два десятка лет. Больше не доводилось Прайсу и Феврье-Депуанту сражаться по разные стороны огня.

Во время Ста дней (20 марта – 22 июня 1815 г.) Феврье-Депуант, командир шхуны «Marie», был направлен на Гваделупу. Французы долго спрашивали друг друга с подозрением: «А с кем ты был во время Ста дней?» Вспомните: за невольную услугу Наполеону граф Монте-Кристо просидел в тюрьме 14 лет. Гарнизон о. Мартиника все Сто дней сохранял верность Людовику XVIII. Огюст же Феврье-Депуант, стало быть, выполнял приказ Наполеона. И во Францию вернулся на борту брига «Actéon» («Актеон»).

Послужной список Феврье-Депуанта приведен в «Словаре французских моряков» (6, с. 118). Сжато, сухо, однако уже одно перечисление кораблей и морей впечатляет. Девиз той эпохи: «Государство сильно колониями». Захват, передел, освоение заморских земель, научная разведка. Сведем перечень в таблицу.

Таблица 1

Годы	Звание	Корабль	География
1816	Élève de 1-re classe (вроде старшего мичмана)	«Hermione» («Гермиона»)	Бразилия
1817–1818	Enseigne de vaisseau (лейтенант флота)	«Écureuil» («Белка»)	Сенегал
1818–1822		«Duchesse-de-Berry» («Герцогиня Беррийская»)	Средиземное море, Ньюфаундленд, Антильские острова
1822–1823		«Diligente» («Проворная»), «Béarnaise» («Беарнка»)	Антильские острова
1823, 24 янв.	Командуя шхуной «Légère» («Легкая»), потерпел крушение у берегов Пуэрто-Рико		
1824	В августе произведен в lieutenant de vaisseau (капитан-лейтенанты) – поздравления от Военного Совета Франции	Командует шхуной «Infatigable» («Неутомимая»)	Реюньон (Индийский океан), Антильские острова

И вот, наконец, мы впервые находим документ от самого Феврье-Депуанта, датированный 8 июня 1826 г.: «Случилось так, что за неимением лощманов либо людей, знающих побережье Нью-Йорка, мы потеряли несколько кораблей – на Лонг-Айленд, или на берегу Джерси. Посему я должен был постараться за время моего краткого пребывания в этой стране добыть все необходимые сведения, способные облегчить кораблям подходы к берегу и вход в реку; ибо трудно найти лощмана, когда господствуют ветры О. или S., которых следует особо опасаться...» И далее капитан ясно и подробно растолковывает, как безопасно провести корабль в Нью-Йорк, указывает береговые приметы, маяки, буи, мели, глубины и пр. Статья помещена в «Морских и колониальных летописях» (7).

Таблица 2

Годы	Звание	Корабль	География
1827–1828		Фрегат «Vestale» («Весталка»)	Средиземное море: Алжир, Левант (Ближний Восток)
1828–1829		Фрегат «Amazon» («Амазонка»), флейта (грузовой корвет) «Rhône» («Рона»)	Антильские острова
1832–1833		Фрегат «Médée» («Медей»); командует «Alcyon» («Алкионой»), 10-пушечным бригом	Алжир
1833	Capitaine de corvette (капитан третьего ранга)		

Алжир был страной с древними разбойничьими традициями, еще со времен финикийских пиратов, и заманчивой целью колонизации. При Наполеоне Франция достигла мирных отношений с деями – правителями Алжира и покупала там зерно. Когда в 1827 г. Франция задержала платежи, дей Гуссейн высказал претензии «в угрожающих выражениях, превысив меру терпимого» (стукнул консула по голове древком опашала), что послужило французам основанием для блокады Алжирского (столичного) порта. Гуссейн и тут не смирился, обстрелял из береговых орудий французский флагманский корабль – и тем дал повод для полномасштабных боевых действий. В 1830 г. 30 тыс. солдат высадились

в заливе Сиди-Феррух. Вспыльчивый дей вскоре капитулировал, но явился новый вождь – Абд аль-Кадир, и за побережье французам еще пришлось много повоевать. Одним из оплотов повстанцев (и пиратов) был город Мостаганем (область Оран). При взятии Мостаганема в 1832 г. и отличился Феврье-Депуант. Командуя бригом «Alcyon» («Алкиона»), он провел блестящую разведку в бухте Арзев (Arzew, или Arzeu) и подготовил плацдарм для атаки. Мостаганем был неприступен с моря, но Феврье-Депуант отыскал реку, по которой корабли могли обойти крепость с тыла. За несколько месяцев, проведенные в Арзеве, он также успел снискать авторитет, разрешая межплеменные споры местного населения (поскольку другой власти не было). В результате штурм Мостаганема удался, но наш герой в нем не участвовал, хоть и рвался – его оставили сторожить Арзев от возможного нападения арабов. Надо же кому-то.

Описание бухты, сделанное О. Феврье-Депуантом, вошло позднее в книги об Алжире, французские (8) и английские. Это не только гидрографические данные, но также исторический экскурс (что построили и чем торговали испанцы, что и почему разрушили турки), очерк нынешней жизни арабов, перспективы возрождения порта.

К античным древностям капитан явно равнодушен (что неудивительно для человека по имени August, воспитанного в эпоху «ампир»).

«В поселке, помимо неплохо сохранившихся римских развалин, находим, в лачугах арабов, обломки колонн различных ордоров, надписанных и резных камней, и, вне деревни, остатков амфитеатра».

«Многочисленные развалины, следы храмов, акведуков, просторных зданий, которые тянутся далеко по берегу, доказывают, что прежде здесь был значительный город, и что этот порт самой природой создан, чтобы быть весьма значимым. Несколько римских медалей, найденных неглубоко в земле при разбивке сада для экипажа «Алкионы», заставили капитана думать, что он находится на руинах Portus Magnus. Раскопки здесь обещают интересные результаты». (Многие нынешние археологи согласны с капитаном: это именно Птолемеевский Portus Magnus!)

Позже из ближневосточного похода О. Феврье-Депуант привез два прекрасных сирийских кубка XI в. Один из них капитан передал в Севрский музей керамики, другой – в Лувр, там они и хранятся, описаны в монографиях (9).

Упоминания нашего флотоводца встречаются в совершенно неожиданных документах и контекстах. Например, в «Хрониках общественной гигиены». Что бы делать там морскому офицеру? Оказывается, 27 июля 1835 г. капитан 3 ранга Феврье-Депуант по направлению морского министра участвовал в комиссии по испытанию изобретения Поля Полена – аппарата для тушения пожаров в шахтах, зданиях и трюмах кораблей, а также для дезинфекции, дезинсекции и дератизации (аппарат высоко оценен комиссией, изобретатель представлен к медали) (10).

Вспомним еще раз Дэвида Прайса. Все 1820-е гг. шла война Греции за независимость от турок. Греков поддерживали Россия, Франция, Британия – флоты этих трех государств разбили турецкий флот в Наваринском сражении в 1827 г. Феврье-Депуант хоть и служил на Средиземном море, в сражении не участвовал. (Зато в Наваринском сражении участвовал будущий контр-адмирал и губернатор Камчатки В. С. Завойко). Дэвид Прайс все еще был в отставке. Он вернулся на службу только в 1834 г. командиром корабля «Portland», – отстаивать достигнутый мир и трон нового греческого короля Оттона (Отто). За оказанные услуги Оттон наградил кэптана Прайса командорским Орденом Спасителя. В 1838 г. Прайс снова ушел в отставку, еще на восемь лет.

А капитан 3 ранга Феврье-Депуант продолжал служить отечеству.

Таблица 3

Годы	Звание	Корабль	География
1835		Фрегат «Terpsichore» («Терпсихора»)	Антильские острова
1836		Впервые командует фрегатом – «Astrée» («Астрея», 44 орудия)	Антильские острова
1836–1837		Бриг «Griffon» («Грифон», 20 орудий)	Испания
1840–1843		Корвет «Créole» («Креолка», 24 орудия)	Левант (11)
1843, ноябрь	Capitaine de vaisseau (капитан первого ранга)		

В 1844 г. будущие адмиралы, словно сговорившись, женились. И женитьба, похоже, способствовала их карьерному росту.

54-летний Дэвид Прайс взял в жены Элизабет, племянницу адмирала Уильяма Тэйлора. Детей у них не родилось.

Невесту 48-летнего Огюста Феврье-Депуанта звали тоже Элизабет! Полностью – Анн Мари Элизабет (называемая также Ниной) Папен де Тевинье, 47-летняя вдова Жозефа Франсуа Луи Раймона Ленорман де Морандо де Полинии. В честь свадьбы написаны портреты жениха и невесты. Это единственный доселе известный портрет О. Феврье-Депуанта кисти Эжена Брока, послуживший образцом для всех других изображений. На банкноте мореплаватель изображен адмиралом, ему добавлено орденов, седины, лицо сделано чуть одутловатым, а нос – тоньше (аристократичнее). На почтовой марке 1953 г. гравер Pierre Gandon изобразил лицо адмирала чуть в другом повороте, более мужественным. В каталоге парижского аукциона (июнь 2009 г.) упомянута акварель художника Керре «Визит адмирала Феврье де Пуанта в Рио-Жанейро», но не опубликована. Тогда же капитан приобрел замок Кербастик с одноименным поместьем в Бретани и... взял в пользование фамилию детей своей жены. Соседи знали нового владельца замка как Феврье де Полинии Де Пуанта.

Таблица 4

Годы	Звание	Корабль	География
1846		Фрегат «Armide» («Армида», 44 орудия)	Индийский океан (Мадагаскар, Реюньон, Бомбей)
1847		Фрегат «Néréide» («Нерсида», 52 орудия)	Антильские острова
1848, май	Вступил в командование флотом Реюньона	Флаг на корветах «Oise» («Уаз» – французский департамент), «Artémise» («Артемиды», 30 орудий) и «Reine Blanche» («Белая Королева», 52 орудия)	Индийский океан

1848 г. Во Франции – февральская революция, свергнут Луи-Филипп; диктатура Кавеньяка, конституция. (На следующий год придет к власти Наполеон III.)

Принимая командование флотом, Огюст Феврье-Депуант становился главным французским политиком в индоокеанском регионе. Он покровительствовал французским торговцам, про-

мышленникам, ученым, миссионерам, искал случая прибрать к рукам еще не колонизированные земли. До сих пор «ничьим» был Мадагаскар, там правила королева Ранавалоа, взявшаяся изгнать с острова французов и англичан. Но у королевы был сын, 19-летний принц Ракотондрама, настроенный не в пример проевропейски. «Все человечество может только аплодировать чувствам, кои движут Вами!» – писал принцу Феврье-Депуант, призывая вступить в соглашение с французами, дабы положить предел «варварскому и кроваждному господству» Ранавалоны (1848 г.). «Пусть откровенный и дружеский союз свяжет два народа, созданные для взаимной любви!» – восклицал он в другом письме (12, с. 213). Нет, честный моряк Феврье-Депуант не устраивал заговора. Горячее слово, подкрепленное пушечной мощью за плечами, – только и всего. И не он виной, что заговор провалился.

Когда в парижском министерстве заседала комиссия по отмене рабства в колониях (в том же 1848 г.), внес свой «Проект эмансипации» и капитан I ранга Феврье-Депуант. По его идее освобожденные безземельные рабы должны были созываться в «ateliers de travailleurs», «цеха трудящихся» (говоря по-советски – «комбеды») и подчиняться демократически избранному «chef d'atelier» – председателю. Организованную таким образом рабсилу следовало использовать для работ гигиенических, заготовительных, строительства укреплений и ОСОБЕННО (подчеркнул автор проекта) для мощения дорог. Также «цеховые» могли бы брать в обработку поля из половинной доли урожая (13, с. 227).

«Декрет об эмансипации» в 1849 г. был принят и вызвал бунт сакалавских землевладельцев в колонии Носси-Бе (островки близ Мадагаскара). «Распалась цепь великая...» – причитал по сходному поводу русский поэт Некрасов. Феврье-Депуанту пришлось не причитать, а защищать свои идеи оружием, вернее, орудиями трех кораблей, обеспечивать высадку солдат и морской пехоты (14).

В 1850 г. он возвращается во Францию и в сентябре получает звание командора (commandeur); в сентябре 1851 – контр-адмирала, следом затем должность начальника штаба (major général) в Бресте. И еще через год, опять в сентябре, назначение командующим флотами Океании и западного побережья Америки.

Флагман контр-адмирала – фрегат первого ранга «Forte» («Сильная»), о 60 пушках. Дождавшись попутных ветров, корабль вышел из Бреста 2 декабря 1852 г. Рио, Буэнос-Айрес, мыс Горн...

К этому времени, февралю 1853 г., относится первое упоминание о нездоровье адмирала и переменах в его характере. Доселе мы знали его как энергичного, любознательного, общительного человека. И вот что пишет в письме к брату мичман фрегата «Forte» Ашиль Аме:

«Наш капитан (Сессе) молод и энергичен, талантливый моряк, с ним бы плавать было замечательно, но, к сожалению, он вынужден идти на поводу у нашего старого адмирала, который, будучи почти все время нездоров или немощен, почти все время колеблется или действует неуверенно. Тем не менее, мы беспрепятственно миновали мыс Горн...» (15, с. 143). Порывистого капитана Сессе осторожность адмирала злила до того, что он за глаза называл начальника «дураком» и «старым идиотом».

В перуанском порту Кальяо О. Феврье-Депуант принял дела у прежнего командующего, контр-адмирала А. Оде-Пелльона. И, промеж прочих дел, опять затеял археологические раскопки. Рассказывает Рене-Морис де Керре, рисовальщик с «Forte»:

«Адмирал настойчиво просил у президента Элиаса, от имени французского правительства, предпринять раскопки, меня с группой людей отрядили тормошить этих несчастных мертвецов на кладбище Пачакамак, между Лимой и Чориллос, морским пляжем Лимы. Эти бедолаги уже века покоились, похороненные сидя на пятках, в виде мумий, окруженные глиняной посудой, иногда любопытной, а то даже и золотыми или серебряными предметами. Мы нашли только глиняную посуду. Я доложил адмиралу о находках. Смерть адмирала избавила меня от этой посуды» (16, с. 49).

Раскопки велись явно варварски, поскольку заняли всего несколько дней, а затем и художника, и адмирала ждал эквадорский город Гуаякиль. В устье эквадорской реки Гуаяс тяжелый фрегат смог войти только пользуясь приливом и помощью парового корвета «Pronu». Прекрасные пейзажи восхитили французских моряков. Но ведь не пейзажами любоваться пришла вооруженная до зубов эскадра, пять кораблей, способные за полчаса бомбардировки «сместить и обратить в пепел этот крошечный городишко из древесины» (как выразился один из французских живописателей). На борт к адмиралу поспешили представители власти и были встречены почетным салютом из двадцати одного орудия. Адмирал предъявил властям секретные (до этого момента) полномочия получить от эквадорского правительства извинения и репарацию в 300 тыс. песо за ущерб, причиненный товарам французского гражданина. Годом ранее французский консул не дождался удовлетворения своих протестов и покинул страну; и вот теперь контр-адмирал Феврье-Депуант был прислан, чтобы все уладить. (Мы представляем, чем мог бы обернуться для Эквадора отказ – помня хотя бы упомянутую выше судьбу Алжира.) Президент Урбина (Jose Maria Urbina Viteri – Presidente De La Republica) не стал упорствовать. Подписанный обеими сторонами договор остался как первый в дипломатической истории республики Эквадор, благодаря чему известен и нам (17).

На обратном пути по реке Гуаяс капитан Сессе посадил фрегат «Forte» на мель (поскольку пренебрег указанием адмирала стать на якорь и дожидаться прилива). И по возвращении в Кальею «папаша Депуант» («le père Despointes») устроил скандал, неприятно потрясший всю эскадру. Но обвинил Сессе не в посадке на мель (это со всяким бывает), а в каком-то несусветном сговоре и денежном обмане подчиненных (15, с. 154). В результате Сессе был под арестом отправлен во Францию; его место на флагмане занял капитан де Миньяк, прежде командовавший бригом «Obligado», а бриг перешел под команду капитана де Розенкоа, бывшему второму офицеру «Forte». Были еще десяток переназначений младших офицеров, следующих за своими командирами. Судя по тому, что на дальнейшей карьере Сессе инцидент не сказался, можно понять, что в Париже обвинение сочли... фантазией адмирала.

26 августа 1853 г. «Forte» достиг Таити. На фрегат к адмиралу пожаловала со свитой лично королева Помаре IV – весьма хитрая особа, распродавшая французам земли своих подданных, свергнутая, но восстановленная на троне опять же с помощью французов. Двадцатилетний граф де Керре (художник на «Forte») насилию отвертелся, когда королева посватала ему в жены свою дочь... Оставив фрегат отдыхать на Таити, сам адмирал перенес свой вымпел на паровой корвет «Phoque» («Тюлень») и устремился на запад. Феврье-Депуанту предстоял главный подвиг его жизни.

Тут необходимо историческое отступление.

Революция 1848 г. дала французам конституцию. Когда страсти улеглись, встал вопрос – куда девать множество политических преступников, казнить которых по новой конституции нельзя? Ссылать! «Дальше едешь – тише будешь», как говорили в России. У русского царя на такой случай были Нерчинск и Туруханск, у королевы Виктории – Австралия и Новая Зеландия. Французы обратили взоры на Полинезию. Туда, к острову Новая Каледония, и послали с разведкой корвет «Alcméne» под командой графа д'Аркура (Jean d'Harcourt). В декабре 1850 г. двенадцать человек из команды «Alcméne» были убиты и съедены туземцами. Граф пообещал, что Франция этого так не оставит.

Сдержав слово графа и предстояло контр-адмиралу Феврье-Депуанту, нагрянувшему к берегам Новой Каледонии эскадрой из трех парусно-паровых кораблей. Предписание у командующего было опять-таки секретное и деликатное. Исполнено оно блестяще, о чем свидетельствует акт, зачитанный контр-адмиралом «d'une voix vibrante» (звонким голосом):

«В этот день, 24 сентября 1853 года, в три часа,

Я, нижеподписавшийся Огюст Феврье-Депуант, контр-адмирал, главнокомандующий

французскими военно-морскими силами на Тихом океане, действуя согласно приказам моего правительства, заявляю, что завладеваю островом Новая Каледония и ему подчиненными от имени Его Величества Наполеона III, императора французов.

Посему – французский стяг водружен на означенном острове, который, начиная с этого дня, 24 сентября 1853, становится, равно как ему подчиненные, французской колонией.

Означенное вступление во владение совершено в присутствии гг. офицеров парового корвета «Phoque» и гг. французских миссионеров, которые подписались с нами.

Совершено в местности Balade (Новая Каледония), в час, день, месяц, и год, указанные выше.

Подписались: E. de Bovis, L. Candéau, A. Barazer, Rougeyron, Forestier, J. Vigouroux, Mallet, миссионеры.

A. Cany, Muller, Butteaud, L. Deperiers, A. Amet, L. de Macé, contre-amiral Febvrier-Despointes».

Флаг Франции был поднят на территории французской католической миссии при стечении туземного народа (на территорию впустили полторы сотни новообращенных христиан, язычники смотрели через изгородь). Корабли приветствовали флаг двадцатью одним пушечным выстрелом и криками «Vive l'Empereur!».

Но уже через два дня пришла тревожная весть: у соседнего острова Иль-де-Пин замечен английский корабль «Herald». И нельзя терять ни часа, чтобы не заполучить англичан в соседи. Сегодня союзники, но вечные соперники.

«Поднимать пары, поднимать пары! – воскликнул адмирал. – Общая готовность!»

К ночи 28 сентября Феврье-Депуант прибыл на Иль-де-Пин. «Herald» действительно был на рейде, имея задачей гидрографическую разведку и переговоры с туземцами о покупке территории под угольную базу. Французский контр-адмирал при содействии миссионеров опередил английского командора, развернув триколор и на этом острове. Местному вождю Kunies Vandegou от имени «большого начальника французов» (т. е. императора) обещана ежегодная выплата 1 500 франков. «Под сенью французского флага, который вас защищает, вы будете всегда главой Иль-де-пин», – сказал вождю командующий. Обещания были внесены в официальный протокол и впоследствии забыты (это уже не вина контр-адмирала).

Как комендант Новой Каледонии контр-адмирал начинает строительство форта. Ему же приходится вершить правосудие. Вскоре он арестовывает трех островитян за убийство туземной женщины. Вождь возмущен: пришельцы вольны поднимать сколько угодно красивых флагов, но не должны вмешиваться в жизнь племени. Затеваешь мятеж; но заговор раскрыт, зачинщики схвачены и сосланы на Таити.

В Париж весть о новом территориальном приобретении дошла через несколько месяцев и особых восторгов не вызвала. 14 февраля 1854 г. газета «Moniteur officiel» уделила событию несколько абзацев (включая вышеприведенный акт) и подытожила: «...Новая Каледония – превосходная точка опоры, но пока не ясно, насколько она пригодна, чтобы использовать ее сельскохозяйственные, минеральные ресурсы и устраивать там тюрьму...»

(Тем не менее, в мае 1854 г. на остров привезли первую партию каторжников, 250 человек. А десять лет спустя инженер Жюль Гарнье обнаружил никель. Это главный никель современной Франции.)

Сдав колонию следующему коменданту, 1 января 1854 г. адмирал отправился в Южную Америку за новыми инструкциями. 19 марта 1854 г. «Forte» пришел в чилийский порт Вальпараисо (где обменялся приветственными салютами с русским фрегатом «Диана»), а 5 апреля – в перуанский Кальею. Через три дня туда же подоспел фрегат Ее Британского Величества «President», флагман контр-адмирала Прайса. Согласно инструкциям, эскадры французская и британская объединялись под началом Дэвида Прайса ввиду грядущей войны против России.

Теперь адмиралам предстояло: дожидаться объявления войны, собрать силы, разбросанные по Тихому океану, пересечь этот океан с юга на север и победить Россию на ее дальневосточных берегах. Как это сделать – приказы поступали запоздалые, некомпетентные и противоречивые. Но следовало защитить экономические интересы союзных держав от русских корсаров, по возможности разгромить эскадру адмирала Путятина и захватить какой-нибудь российский порт. Хотя бы Петропавловск-Камчатский, малонаселенный и слабовооруженный.

Сначала удача подарила адмиралам джокондовскую улыбку: прямо к ним в Кальюо пришел истрепанный и измученный стремительным переходом русский фрегат «Аврора». Атаковать ли его сразу? (Не захватить, так блокировать, как поступил в Рио адмирал Хендерсон с русской яхтой «Рогнеда».) Или дожидаться декларации о начале войны, которую со дня на день привезет пароход из Панамы? Феврье-Депуант, со своей дворянской честью, предпочитал дожидаться. Адмиралы посетили «Аврору» с дружеским визитом, убедились, что к дальнейшему походу она не годна, и Прайс согласился: можно подождать. Но капитан И. Н. Изюльметьев перехитрил адмиралов. Русский фрегат ушел из Кальюо тихим туманным утром, влекомый веселыми шлюпками.

«Нам очень хотелось его задержать; английский адмирал просто-таки грыз пальцы, видя, как он уходит, но это было бы против всех международных правил. Он ушел 23 апреля, а война, о чем мы не знали, была объявлена еще 28 марта», – сообщает Ашиль Аме (уже лейтенант) (15, с. 166).

Переход на Камчатку дался русскому фрегату очень тяжело, стоил жизни трем десяткам матросов. Но «Аврора» опередила англо-французскую эскадру на полтора месяца и спасла Петропавловск, умножив силы обороны.

«Аврора» была уже на Камчатке, а англо-французы – только на Гавайях. Помимо отдыха и пополнения припасов, здесь было важное дело у адмирала Прайса: переговоры с королем Камеамеа II, дабы склонить его на британскую сторону. (Независимость гавайского королевства была очень шаткой, но перевешивала американское влияние.) Кроме переговоров, было устроено катание на пароходе «Virago» по заливу для всего королевского двора и светского общества Гонолулу. Корабли эскадры, расцвеченные флагами, встали парадом, экипажи выстроились на реях и приветствовали монарха криками; флагманы дали пушечный салют. Почетные гости были приглашены на корабли, присутствовали на воскресной мессе, затем были танцы на палубе под великолепный оркестр...

Обо всем этом рассказывает в своем дневнике американский дипломат Дэвид Лоуренс Грегг. Он гостил на «Forte» (а прежде того принял визит Ф.-Депуанта у себя в консульстве). «Адмирал „Des Pointes“ сказал мне, что его отец служил в Америке в качестве полковника морской пехоты (Colonel of Marines) и был членом Общества Cincinnatus. Поэтому, сказал он как бы в шутку, он имеет право считаться наполовину американцем. Императрица Жозефина была его крестной матерью, и он, казалось, воспринимал этот факт с большим удовольствием» (18). (Дэвид Грегг, между прочим, исполнял и должность русского консула на Гавайях.)

Грегг принял слова адмирала за чистую монету. Но все это... фантазии! Общество Цинциннати объединяло офицеров – ветеранов Американской Войны за независимость (1775–1783 гг.). («Цинциннат» – прозвище Дж. Вашингтона, в честь древнеримского героя.) Да, была у этого общества и французская «ветвь», но Николя Феврье-Депуант там не значится. «Помощник батальонного майора», в каковой должности Николя числился в 1796 г., – офицер в местной милиции, но далеко не полковник... Крестная мать Огюста нам тоже известна – это его тетюшка, Марианна Камилла de La Hante. Графиня, но не императрица.

В письме госсекретарю Соединенных Штатов Уильяму Марси Д. Грегг сообщает: «Я так и не уловил до конца, кто же являлся главнокомандующим на всей эскадре, поскольку английские и французские источники существенно разнятся на этот счет, хотя не вызывает сомнения старшинство

адмирала Прайса над адмиралом де Пуантом. Очевидно, что великой гармонии чувств между двумя частями флота нет, и я выяснил из сведущих источников, что скорое их разделение будет наилучшим выходом» (19, с. 181).

Насчет «не уловил» Грегг лукавит, недаром «Де Пуанта» он принял у себя, а к Прайсу, командующему, сам пожаловал с визитом, как велит этикет. А насчет гармонии чувств – прав. Какая гармония может быть у вечных соперников, англичан и французов? Что вообще нужно Франции в этом походе? Защищать торговые интересы Тихоокеанского севера от русских корсаров? Это почти исключительно английские интересы! Или расчет поживиться захватом русских кораблей? Их еще надо найти!

Не был уверен и командующий Прайс, как исполнить безнадежные инструкции Адмиралтейства. Поколебавшись, посоветовавшись с Феврье-Депуантом, он все же привел эскадру в Петропавловск. И после первой же рекогносцировки бухты понял: слава тут не светит. Порт укреплен самой природой, а все уязвимые места умело защищены батареями. И как знак проклятия в гавани стоит все та же «Аврора» («Ку-ку, а вот и я»). Да, огневая сила русских много уступает мощи эскадры, но сразу видно, без боя они не сдадутся (на что союзники очень рассчитывали). Уйти – позор. Атаковать – будет много крови, а результаты призрачны.

Требуется много мужества проливать свою кровь. И совсем другое мужество – посылать на бессмысленную смерть парней, обогнувших за славой полсвета. (Даром ли Дэвид Прайс в годы отставки так долго был мировым судьей, на страже справедливости.) Но – есть девиз: «Англичане не отступают!» А у союзников: «Слово „невозможно“ – не французское!» (А у соперников: «Русские не сдаются!») И контр-адмирал Дэвид Прайс, отогнав сомнения, сел за карты составлять план атаки.

Роковой выстрел из собственного пистолета пробил грудь командующего 30 августа, прервав приготовления к атаке. Феврье-Депуант поспешил к умирающему, но все, что он мог, – взять его за руку и сказать: «Мужайтесь, mon ami...». Потом французскому адмиралу стало дурно и его вывели на воздух, чтобы привести в себя (19, с. 204, 222).

Мичман Н. А. Фесун отдает дань качествам Д. Прайса: «Все, что сказано об уважении, которым пользовался г. Прайс на обеих эскадрах, совершенно справедливо; офицеры французские и английские единодушно хвалили и даже превозносили его; а если судить по физиономии, то мне остается прибавить, что при встречах с нашими офицерами в Калао и Лиме, адмирал этот поражал всех нас своей благородной и внушающей почтение наружностью» (20, с. 152).

Ни в какое сравнение с Прайсом Феврье-Депуант уже не годился. Моложе англичанина на 5 лет, француз выглядел стариком. Наружность, ладно, не главное. О храбрости молодого Прайса ходят легенды – как он вскарабкался на купол Св. Павла в Лондоне и повязал там платок, который сорвал только ветер, потому как не нашлось других охотников. Три планки на серебряной медали Прайса заслужены отвагой и кровью. Ордена Депуанта – скорее, трудовые. Описания бухт – кто их читал? Дипломатические таланты – кто их оценит? Новая Каледония – кому она нужна, дикий остров?

А вот фантазии... В том-то и беда, что это были не просто фантазии.

При изучении литературы о Петропавловском бое действия адмирала кажутся вполне разумными. Опытный флотоводец, Феврье-Депуант, как и Прайс, также видел печальные перспективы штурма Петропавловска и еще более укрепился в этом мнении после «пробной» атаки 1 сентября, (даты по современному календарю, от которого юлианский календарь XIX в. отстает на 12 дней, а календарь англо-французской эскадры на 1 день), когда английские корабли слабо поддерживали французский десант. На последовавшем совете адмирал настаивал, что лучшее, что можно предпринять, – увести эскадру в Калифорнию. Но вот как пишет об этом второй офицер брига «Obligado» лейтенант Дю Аيي (Дю-Аيي – литературный псевдоним; настоящая фамилия – Ванешу. Вопреки некоторым указаниям, он не стал адмиралом):

«Нетрудно понять, что совет, созданный вечером того же дня, 31 июля 1854, был весьма бурным; трудно объяснить, как оно вышло, что вынудив русских оставить две их батареи, заставив замолчать третью, причинив неприятелю серьезные, ввиду его стойкого сопротивления, потери и ничего по существу не потеряв с нашей стороны, мы не развили это преимущество атакой фрегата и корвета <...>. Экипажи и офицеры выказывали рвение, и оба французских корабля, которые приказ адмирала держал на удалении от огня, горели желанием тоже принять участие в деле. <...> Конечно, было странно не извлечь пользу из достигнутого, ведь теперь мы предоставили неприятелю всю ночь на исправление укреплений. Все досадные обстоятельства были только малозначащими помехами и уж никак не причиной, чтобы отвратить нас от новой атаки, успех которой казался несомненным. Так считала, можем утверждать, вся эскадра, и командиры "Eurydice" и "Obligado" всего лишь выражали общее мнение, когда на совете настаивали на скорейшей второй попытке. И все же их мнение не возымело силы, и было принято решение уходить в Калифорнию, в Сан-Франциско, чем раньше, тем лучше» (21).

Витиеватые экивоки французского лейтенанта обозначают следующее: атака была прервана распоряжением адмирала под нелепым предлогом в самом разгаре, когда еще половина кораблей («Eurydice», «Obligado» и «Pique») не вступала в бой, а людские потери были ничтожны. Достигнутый успех – подавление двух русских батарей – необходимо было, по общему мнению, развивать без промедления, но адмирал уперся.

Но иностранные историки видят в решении адмирала не тупое упрямство, а трезвую осторожность: противник упорен, боеприпас фрегатов быстро тает, дальнейшие повреждения кораблей ставят под угрозу возвращение с Камчатки; вход в Петропавловскую губу все так же неприступен, а сухопутной операции препятствует сама местность.

Разумным выглядит и недоверие адмирала к сведениям американских информаторов, будто есть легкий путь в Петропавловск, в обход Никольской сопки. И лишь когда английский капитан Николсон пригрозил Депуанту ответственностью за отказ от «беспроектного» плана, адмирал вынес план на голосование.

Решительный десант 5 сентября стал для англо-французов катастрофой. События этого дня описаны многократно и ярко. Правда, вызывает сомнение строка из рапорта руководителя обороны В. С. Завойко, написанного через 2 недели после победы: «За десантом следовал на шлюпке французский контр-адмирал с обнаженной саблей, отдавая приказания». (Зачем? Желая подбодрить подчиненных или погибнуть с честью?) Эпизод, обрастая деталями, переходит из одной книги в другую, но никакого подтверждения в иностранных источниках не находит. В действительности высадкой командовал французский капитан-лейтенант Бурассе, его кто-то и принял за адмирала. (Jean-Philippe-Alexandre Bourasset, lieutenant de vaisseau de l'Eurydice. Бурассе был смертельно ранен и похоронен в Тарьинской бухте.) А сам адмирал оставался на «Forte», так считал и Н. А. Фесун: «Воображаю положение старика Депуанта, когда он следил с фрегата за ходом дела. Картина отступления была перед ним как на ладони и, я думаю, на много лет его приблизил к гробу подобный час душевной тревоги!»

О состоянии старика Депуанта нам теперь может поведать сам адмирал Депуант, вернее, его депеша об атаке Петропавловска, напечатанная в парижской газете «Moniteur» в конце ноября.

«Военно-морские силы Франции и Англии, объединенные под командованием контр-адмиралов Феврье де Пуанта и Прайса, атаковали форт Шахова, который, так же, как окружающие его закрытые батареи, защищает вход в русский порт Петропавловск.

Эскадра русского адмирала Путятина, состоящая из нескольких фрегатов, 9 корветов, несущая около 300 орудий, укрылась в порту и не думала выйти в море, чтобы дать сражение.

К исходу боя 31 августа, под восхитительно метким огнем союзных кораблей, форт Шахова

прекратил отвечать, закрытые батареи разрушены, а несколько орудий заклепаны отрядом английских морских пехотинцев и отрядом французских матросов, высадившихся с этой целью.

После этого успеха большая часть офицеров союзных эскадр, поддавшись истинному воодушевлению, стали просить о высадке, чтобы идти на сам город Петропавловск, расположенный позади порта. Семьсот человек обеих эскадр попытались нанести этот смелый удар; встретив значительные трудности местности, они осуществили посадку [в шлюпки] перед лицом бесконечно превосходящих сил, защищаемых 80 артиллерийскими орудиями крупного калибра. Возвращение на корабли было исполнено в хорошем порядке.

6 сентября, заметив вблизи входа в бухту Авача несколько огней, союзные адмиралы, убежденные, что наконец-то окажутся лицом к лицу с русской эскадрой, двинулись навстречу. 7-го, на рассвете, они заметили шхуну и большое трехмачтовое судно и стали их преследовать. Несколько часов спустя оба эти судна были в руках союзников...» (22).

Как видим, упрямство адмирала не было основано на глубоком понимании ситуации. То, что он уже окончательно уверовал в свое дворянство и стал подписываться Де Пуантом – не беда. Хуже – фантастическое множество русских закрытых батарей (на деле была одна), фрегатов (один) и корветов (ни одного), а также вторая русская эскадра, примнившаяся адмиралу по выходе из бухты. И просто жутко, что Феврье-Депуант начисто забыл о смерти своего коллеги Прайса. Эскадре с таким командующим не позавидуешь.

Теперь, задним числом, становится очевидным: прежние фантазии были «первыми ласточками» серьезного психического расстройства.

Обескровленная и побитая эскадра ушла к берегам Америки порознь (как то предвидел дипломат Грегг): англичане налево, к острову Ванкувер, французы направо, в Сан-Франциско, куда прибыли 4 октября.

Отсюда, из Сан-Франциско, и разнеслись по всему миру вести о камчатском походе союзнической эскадры. Несколько отдохнув, адмирал Феврье-Депуант сделал американцам несколько откровенных признаний. В российской литературе ходит такое его высказывание: «Генерал Завойко сражался храбро и со знанием своего дела, и я жалею, что не имею возможность ему пожать руку: я не ожидал встретить в таком ничтожном местечке столь сильного сопротивления» (20, с. 248). Оригинальный текст и первоисточник цитаты нам найти не удалось.

Кроме прочего, адмирал приоткрыл любопытным янки свои семейные тайны. Вот заметка из газеты «Alta California» за 27 октября 1854 г. (23, с. 5).

«Вчера состоялся обмен любезностями между высшими федеральными чинами нашего города, с одной стороны, и французским адмиралом и его офицерами, с другой. Сегодня генерал Вул и его штаб нанесут визит адмиралу и примут традиционные знаки внимания от высокого представителя французской нации.

Возможно, не всем известно, что французский адмирал, командующий флотом, ныне пребывающим в нашей гавани, – американец по рождению. История его и его отца интересна и тесно связана с ранней историей нашей страны, мы помещаем далее краткое изложение, которое получили весьма случайно:

Адмирал – сын лейтенант-полковника Депуанта, из старого французского дворянского рода. Подобно Лафайету, его отец посвятил судьбу делу американской независимости. Полковник Депуант вошел в великую борьбу еще в 1775 г. Он прибыл в Америку на борту судна, нанятого за свой счет, и снабжал повстанцев оружием и боеприпасами. В течение всей войны он командовал корпусом добровольцев – частью французов, частью американцев – и участвовал в нескольких решающих схватках.

В 1793 г., когда во Франции господствовал террор, полковник Депуант эмигрировал с семьей в Америку и был принят с распростертыми объятиями прежними товарищами по оружию. Нынешний адмирал родился в Джорджтауне, где его сестра все еще владеет имением, которое вручено его семье Конгрессом за заслуги в революционной войне.

Адмирал – достойный продолжатель потомственной семейной дружбы с Соединенными Штатами, о чем наглядно свидетельствует недавний пример. Узнав, что наш город обманут аферой Мейггса и его бегством («Meiggs' failure and flight». Henry Meiggs – предприниматель и знаменитый мошенник, сбежал из Сан-Франциско 6 октября 1854 в Южную Америку (позже частями вернул наворованное и спустя 100 лет после смерти реабилитирован)), и что поломка американского парохода «Active» не позволила организовать преследование, адмирал Депуант выразил сожаление, что не был информирован вовремя. «Я бы, – сказал галантный старый моряк, – немедленно предоставил корабль из моей эскадры в распоряжение властей Сан-Франциско и отправил его в море в погоню за преступником. Я мог бы сделать это в десять минут по извещении, и чрезвычайно сожалею, что не получил возможности для такого сотрудничества».

После смерти адмирала Прайса в Петропавловске адмиралу Депуанту пришлось вести в бой союзную эскадру против российских батарей. Он взялся за дело решительно, заняв позицию на расстоянии пистолетного выстрела (Эту деталь подтверждает Н. А. Фесун: «Французскому адмиралу приказать английским капитанам подойти поближе к неприятелю, конечно, было бы уж крайне неловко, и все, что он мог, это показать собою пример; адмирал Депуант так и сделал, и впоследствии мне случалось слышать от английских офицеров не один раз, что за дело 20 августа у них на эскадре все единодушно отдавали справедливость французам и кругом обвиняли своего начальника (Ф. Николсона), и открыв частый огонь, который каждые 15 минут сбивал следующее орудие противника. Когда «Forte» вернулся на прежнюю позицию после трудов нелегкого дня, команды британских кораблей поднялись на снасти и приветствовали адмирала Депуанта громким «ура», свидетельствуя свое восхищение»» (20, с. 158).

«Обмен любезностями» был не просто светским раутом. За полгода до того в Сан-Франциско со скандалом закрылось французское консульство (консул Диллон отказался свидетельствовать в суде и был арестован в нарушение неприкосновенности; будучи отпущен, покинул город в знак протеста), и теперь Феврье-Депуант восстанавливал добрые отношения. Американцы адмираловым сказкам поверили (да он и сам верил!). Французы стоически молчали.

Еще одно шумное событие застал адмирал в Сан-Франциско – похороны графа Рауссе де Бульбона, авантюриста – «флибустьера», убитого при попытке захватить мексиканскую территорию, т. н. «Нижнюю Калифорнию». Для расследования обстоятельств гибели графа адмирал Депуант отправил бриг «Obligado» в Мексику, в Гуаймас.

Наконец и фрегат «Forte» отправился на юг, к месту службы. Но 10 декабря 1854 г. из мексиканского порта Масатлан контр-адмирал отправил в Париж рапорт об отставке по состоянию здоровья. Предлог не был формальным. 5 марта 1855 г. Огюст Феврье-Депуант умер на борту «Forte», накануне прибытия фрегата в Калью (координаты точки в океане, где смерть настигла адмирала: 13° ю. ш., 79° з. д.) (15, с. 35). О характере болезни в тогдашней прессе удалось найти лишь одно слово, в «New York Times» от 25 мая 1855 г.: «Rear Admiral Despointes... died of dropsy». То есть умер от водянки. Теперь это не диагноз. Водянка – большие отеки – может иметь причиной недостаточность сердечную, почечную, белковую; раковую опухоль, тропические паразитарные болезни... Хотя бы и цирроз печени – он может вызвать как асцит – скопление жидкости в брюшной полости, так и печеночную энцефалопатию – умственное расстройство на фоне общего отравления организма.

И вот найден последний свидетель – де Миньяк, капитан флагманского фрегата (24, с. 220). Капитан терпел фантазии адмирала до последней возможности. Но по выходе из Сан-Франциско

главнокомандующий вознамерился взять курс на Таити (тогда как новые приказы дожидались его в Южной Америке). Де Миньяк собрал верных людей, включая доктора, обсудить ситуацию. «Я от них не скрыл, что, по моему мнению, у нашего командующего больше нет ясности ума, что идеи и намерения, им высказываемые, указывают на размягчение мозга и что нам следует договориться заранее, дабы никакой поворот событий не застал нас врасплох; что я не могу и не желаю стать исполнителем бессмысленных приказов, явно противоречащих долгу службы, приказов, данных в агональном бреде». До прямого бойкота, слава Богу, не дошло. После Акапулько начались шторма. «Бедный адмирал изнемогал день ото дня, и наш главный хирург г. Делапорт не скрывал от меня, что надежды на выздоровление нет, и теперь это вопрос дней. Больной уже не мог встать, даже чтобы поправить постель, отталкивал еду и был устрашающе худ в груди, в верхних частях тела, тогда как нижние раздулись, как у тех резиновых болванчиков в парижских пассажах, только не водородом, а жидкостью». «Не оставляйте меня, дорогой капитан, – стонал больной, – я доверяю только вам, я окружен врагами, которые хотят моей смерти. Доктор и этот злодей кок покушаются на меня, они сговорились меня отравить. Вы один мой защитник и хоть сколько-то меня жалеете».

Капитан освободил от службы гребную команду адмиральского бота и посадил их в кают-компанию, чтобы они могли вбежать к больному по первому зову. «Он жаловался мне, будто они пьянствуют со слугами, пьют его вино, его ликеры и проводят ночи в оргиях. В одно утро он их даже обвинил в том, что они его всю ночь катали пинками по ковра, покрывавшему пол его каюты!.. Бедные «черти», слыша через переборку такое фантастическое обвинение, сунулись было с протестом, и я строгим голосом сказал им, что отправлю под арест и буду разбираться с ними сам». «Наконец, пятого марта, во второй половине дня, когда видны уже были берега Перу, доктор пришел меня предупредить, что адмирал доживает последние минуты. Мы большой группой поспешили к умирающему и застали у постели капеллана, отправлявшего последние таинства. Адмирал умер в четыре часа пятьдесят пять минут пополудни».

То, что описал капитан де Миньяк, называется «параноидный синдром». Недостаточно фактов, чтобы судить о первопричине расстройства – было ли оно самостоятельным или следствием другого заболевания (как мы помним, адмирал был нездоров с самого начала плавания). Независимо от причины, по мере развития умопомрачения профессиональные навыки больного страдают в последнюю очередь. А вот личностные гораздо раньше. Перемены настроения, мнительность, подозрительность, обидчивость и пр. делают таких людей не то что «непопулярными» – невыносимыми в общении. А если этот человек – начальник, да на одном с тобой корабле, да в военное время, когда неподчинение преступно? Безусловно, тем труднее было и адмиралу Прайсу, считавшему своим долгом решать вопросы совместно с компаньоном. Советский мультфильм утверждает: «Это гриппом болеют все вместе, а с ума сходят по одному». Не факт... Факт, что после смерти Дэвида Прайса эскадра действительно обезглавела.

Есть, кстати, версия и о самоубийстве адмирала Феврье-Депуанта. Историк Мишель Баттести пишет в своей книге «Флот Наполеона III»: «Феврье де Пуант не оправится от этого поражения (в Петропавловской битве) и в депрессии покончит с собой 5 марта 1855 на борту «Forte» близ берегов Перу» (25). Первоисточник этой версии неизвестен. Все же, скорее, кто-то когда-то ненароком скомпилировал судьбы двух несчастных контр-адмиралов.

С чем Феврье-Депуанту повезло более, чем Прайсу, так это с могилами. У Прайса могилы фактически нет (место захоронения известно плюс-минус), у Депуанта их две. Вот описание его похорон в Лиме.

«СМЕРТЬ КОМАНДУЮЩЕГО ФРАНЦУЗСКОЙ ЭСКАДРОЙ В ТИХОМ ОКЕАНЕ (26)

Из Panama Star мы узнали, что французский фрегат «La Forte», 60 орудий, пришел Калью 6-ого марта, неся тело адмирала Des Pointe, командующего французской эскадрой в Тихом океане,

который умер на борту приблизительно за тридцать часов до прибытия корабля в порт. Похороны прошли 10-го, с большой церемонией, о которой корреспондент сообщает следующее.

В ранний час множество моряков с французских военных кораблей «Alceste» и «Forte», вместе с полусотней морских пехотинцев с фрегата Ее Британского Величества «President» и отрядом из восьмидесяти перуанских пехотинцев – всего около трехсот человек – построились почетным караулом перед молотом, где собралась большая толпа желающих увидеть церемонию. В 10 утра тяжкий гул орудий «Forte» возвестил начало процессии: шлюпки с английского корабля справа, французские слева; посередине – большая шестнадцативесельная баржа, буксирующая капитанский бот, в котором были останки покойного адмирала; позади – шлюпки перуанского фрегата «Amazon».

Вдоль улиц встали французские и английские моряки, держа оружие опущенным. В церкви, где проводилась панихида, на дверях, украшенных креповыми фестонами, был помещен французский орел, справа от него слово «England», а слева «France» большими буквами. После церемонии процессия снова построилась, как прежде, и прошествовала к железнодорожной станции, где гроб внесли в вагон, покрытый цветами, и отвезли в Лиму (большинство чиновников и моряков сопровождали его). В момент отправления поезда морские пехотинцы дали два залпа.

По достижении города процессия была встречена двумя эскадронами конницы, артиллерией и большим корпусом пехоты, с полным оркестром, и перешла под команду генерала, который сопровождал останки месту их последнего упокоения.

Насчет «последнего упокоения» журналист ошибся. Через некоторое время останки адмирала Депенанта возвращены во Францию, и 11 ноября 1856 в г. Лорьяне (Бретань) справлены еще одни торжественные похороны. Над могилой морской префект воздал хвалу высоким воинским достоинствам контр-адмирала, отметив исключительный послужной список «этого великого слуги Франции». Там, на Карнельском кладбище, адмирал покоится и поныне. На могильной плите надпись (27):

Auguste Febvrier de Poligny Des Pointes

Contre-amiral

1796–1855

Grand officier de la Légion d'honneur

Commandeur de 1re classe de Saint-Grégoire

Chevalier des ordres de Charles III,

de Saint-Jean de Jérusalem et du Christ

Commandant les stations des mers du Sud et de l'Indochine

Огюст Феврье де Полиньи Де Пуант

Контр-адмирал

1796–1855

Великий офицер Почетного легиона

Командор 1 класса Святого Грегуара

Кавалер орденов Карла III,

Святого Жана Иерусалимского и Христа

Командующий флотами Южных морей и Индокитая

(Книга, из которой взята эта надпись, посвящена именным покойникам лорьянских кладбищ. Помимо точной информации, есть в ней и такая несусветица: «3 января 1854 г. французский флот во главе с контр-адмиралом Полиньи Де Пуантом входит в Черное море»).

Мечта адмирала о высоком дворянстве, можно сказать, сбылась. Его падчерица вышла замуж за маркиза Полиньяка; в четвертом колене потомков этого брака мы найдем Ренье III, князя Монако. Замок Кербастик поныне принадлежит Полиньякам – одному из знатнейших семейств Франции; теперь это роскошный отель. Портрет капитана Феврье-Депенанта кисти Эжена Брока принадлежал замку до 2008 г., когда продан с аукциона вместе с другой исторической живописью, и нынешний хозяин неизвестен; но в замке можно увидеть копию.

Вот пока и все, что нам удалось разузнать об Огюсте Феврье-Депенанте, не только неудачливом агрессоре, но кроме того – неутомимом флотоводце, политике, романтике и... фантазере.

Большая благодарность людям, кто бескорыстно помог разысканиям о судьбе адмирала.

Это:

Alain Le Sage, Martinique, France – потомок рода Феврье-Ламот, откуда происходят и Феврье-Депенанты. Ален прислал выдержки из семейной генеалогии, фотокопию крестильной записи Огюста Феврье-Депенанта, разыскал текст записок Э. Дю-Айи, впервые критично рассмотрел «семейные рассказы» адмирала и ответил на многие вопросы.

François Hau, Chef de Réception du château de Kerbastic à Guidel, Bretagne, France. Г-н Франсуа предоставил материалы по истории замка Кербастик и фото его интерьеров.

Joel Daniel, Président de l'association Histoire et Patrimoine de Guidel, France. Г-н Даниэль прислал копию главы из книги Патрика Болле «Знатные люди Лорьяна», посвященной адмиралу Депенанту.

Игорь Куприянчик, врач, Детройт, США. Игорь не поленился взять по межбиблиотечному абонементу книгу «Дневники Дэвида Лоуренса Грегга» и пересканировать нужные фрагменты.

Наталья Горбаневская, правозащитница и поэтесса, Париж, Франция. Наталья Евгеньевна приобрела и прислала на Камчатку великолепную книгу о кругосветном путешествии художника Керре на фрегате «Forte».

Благодарность и многим другим, не упомянутым.

1. Фесун Н. А. Критический разбор статьи дю-Айи // Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году: Сборник официальных документов, воспоминаний, статей и писем. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 152.

2. Палмер Роналд. Выдержки из писем и дневника моего деда, адмирала Джорджа Палмера // Завражный Ю. Забыть адмирала! Петропавловск-Камчатский, 2005. С. 204.

3. Guidel, Rue de l'Amiral Febvrier Des Pointes; Vallée du Tir, Rue Febvrier-Despointes; Port des Pointes.

4. The diaries of David Lawrence Gregg: an American diplomat in Hawaii, 1853–1858. Edited by Pauline King // Hawaiian Historical Society / University of Hawaii Press. Honolulu, 1982. P. 172.

5. L'ami de la religion (journal). 1851. V. 154. P. 426.

6. Étienne Taillemite. Dictionnaire des marins français. 1982. P. 118.

7. Annales maritimes et coloniales. Année 1826. II p. T. 2.

8. Baude H.-J. Alger – Système d'établissement à suivre // Revue des Deux Mondes, v. 2, 1835.

9. Gaston Migeon. Musée du Louvre, l'Orient musulman. Paris, 1922. No 68, pl. 19; no 68 et pl. 20; Arthur Lane. Early Islamic Pottery. London, 1947. P. 16, no 7; Venetia Porter et Oliver Watson, «Tell Minis' Wares». Syria and Iran, Three Studies in Medieval Ceramics // Oxford Studies in Islamic Art, IV, 1987. No A34. P. 210 et 229; no A35. P. 210 et 229.

10. Annales d'hygiène publique et de médecine légale. V. 15. P. 76.

11. Обрывочные сведения о том, что капитан Ф.-Депенант на Créole защищал монастырь лазаритов близ

Бейрута и подписывал договор с неким Мустафа-пашой, дает поиск books.google: La phalange: journal de la science sociale. 1842. P. 29.; Documents diplomatiques et consulaires relatifs à l'histoire du Liban. V. 7. Pp. 50, 89, 90.

12. *Raison-Jourde Françoise*. Bible et pouvoir à Madagascar au XIX siècle. 1991. P. 213.
13. *Schmidt Nelly*. Abolitionnistes de l'esclavage et réformateurs des colonies. 2001. P. 227.
14. Journal De Toulouse, 1849, 4 novembre.
15. «La France à la conquête du Pacifique : correspondance de l'élève-officier Achille Amet : 1849–1854». Paris : Ed. Osmondes, 1996. P. 143.
16. «René Maurice de Kerret. Journal de mes voyages autour du monde, 1852–1855», édité par Tugdual de Kerros. Cloître, Saint Thonan, 2004. P. 49.
17. Rodolfo Pérez Pimentel – <http://www.ecuadorprofundo.com>; Dagnó Lara. Ecuador y Francia una historia en comun. Científicos y viajeros: bajo el signo de la amistad franco-ecuatoriana.
18. «The diaries of David Lawrence Gregg...» P. 172.
19. *Завражный Ю.* Забыть адмирала!.. С. 181.
20. Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году. Сб. официальных документов, воспоминаний, статей и писем. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во. Камчат. отд-е, 1989. 272 с.
21. Ed. du Hailly. Une campagne dans l'Océan Pacifique. L'Expédition de Petropavlovsk // Revue de Deux Mondes, août 1858. Pp. 686–718. (Предлагаемый перевод отличается от известной версии М. Буйницкого, грешной искажениями).
22. Текст переведен по публикации: Journal de Toulouse, 1854, 28 novembre.
23. Перепечатка в газете: The Argus, Melbourne, 1855, 10 January, Wednesday. P. 5; <http://nla.gov.au/nla.news-article4802887>
24. Рассказ капитана де Миньяка (Amand-Christophe-Mériadec de Miniac) приведен в книге: «René Maurice de Kerret. Journal de mes voyages autour du monde...». P. 220.
25. *Michèle Battesti*. La Marine de Napoléon III. P., 1997.
26. The Courier (Hobart, Tasmania). 1855, July 10, Tuesday. P. 3; <http://newspapers.nla.gov.au/ndp/del/article/2486737>
27. *Bollet Patrick*. Lorient, ses hommes illustres. 2005.

Н. С. Киселева

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ ГУБЕРНАТОР КАМЧАТКИ, ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ ОБОРОНЫ 1854 г. АДМИРАЛ ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ЗАВОЙКО: К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Имя Василия Степановича Завойко хорошо известно на Камчатке. Военный губернатор, командир Петропавловского порта, адмирал.

Наиболее громкая слава его связана с героической обороной Петропавловска в 1854 г. от нападения англо-французской эскадры.

Родился В. С. Завойко 15 июля (27 июля по новому стилю) 1810 г. в с. Прохоровка Полтавской губернии в семье морского штаб-лекаря Степана Осиповича Завойко (1, л. 1–9). Семилетнего Василия отвезли в Переяславль и отдали в ученье в Макарьевскую монастырскую семинарию. Однако желание стать мореплавателем привело его в Николаевское штурманское училище. Службу свою он начал в 1821 г. гардемаринем Черноморского флота на бриге «Мингрелия» под командованием М. Н. Станюковича. В первый же шторм Василия укачало, и он не вышел на вахту. Об этом узнал командир, приказавший немедленно вывести его на марс, привязать и держать до тех пор, пока он не даст слова,

что не будет бояться качки. «Я изнемогал, — читаем мы в воспоминаниях В. С. Завойко, — рвало меня кровью, drog от холода, не знаю, сколько часов прошло, наконец, собравшись с силами, запищал на родном языке: “Ой, лышенько, исть хочу, развяжить...”. Дали знать командиру, но испытание не кончилось: накормили сухарём и вновь привязали в носовой части брига, где волны перекатывались через палубу». Только после этой «ванны», когда юноша лишился чувств, капитан разрешил его отвязать и уложить в постель. Так сурово начиналась жизнь будущего адмирала.

После окончания практического курса в 1826 г. В. С. Завойко был произведен в мичманы с назначением в 14-й флотский экипаж Балтийского флота. На следующий год 17-летний моряк участвует в Наваринском сражении вместе с Нахимовым, а потом под его началом служит на корвете «Наварин». Вскоре после получения звания лейтенанта он на транспорте «Америка» в 1834–1836 гг. совершил кругосветное путешествие, во время которого посетил Камчатку. Через год на корвете «Николай» он совершил второе плавание на Камчатку и Аляску (2, л. 50–62).

Громадные масштабы возможной деятельности, необъятный простор для применения человеческих сил — все это привлекло внимание В. С. Завойко к камчатскому краю.

2 декабря 1849 г. образовывается Камчатская область, управление которой вверяется военному губернатору из чинов морского ведомства с непосредственным подчинением генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву (3, с. 3). Муравьев, зная настойчивость, ум, честность и деловую хватку Василия Степановича Завойко, предложил ему пост губернатора Камчатки (4). Не было области военной, морской и хозяйственной, которую Завойко не знал бы досконально. Предприимчивость, отвага не имели границ. Боевого, энергичного адмирала трудно было чем-то запугать.

За пять лет пребывания на полуострове он многое сделал по обустройству гавани и порта. На территории началось строительство различных складов и гостиного двора, где могли бы отдыхать русские и иностранные моряки. Появились четыре десятка домов, две казармы, несколько магазинов, почта, аптека, церковь. Доставку продовольствия (зерна, муки, соли и т. д.) В. С. Завойко организовал двумя транспортными судами из Аяна. В течение двух лет, не выходя из ремонтной суммы, были построены шхуна, бот, плашкоуты, 12-весельный катер.

По его инициативе в крае стали выращивать сельскохозяйственные культуры, организована скотоводческая ферма. В селениях построены больницы, а на горячих ключах — лечебницы. Началась добыча железной руды.

При В. С. Завойко среди населения не было голода — беспримерный факт в дореволюционной истории Камчатки.

Хотя Петропавловск с 14 декабря 1849 г. стал громко именоваться губернским городом, все же он мало походил на города Центральной России и Сибири. Грузы на Камчатку завозились лишь один раз в год, да и то не всегда. В апреле-мае уже не было ни пшеничной муки, ни сахара, ни чаю, ни масла. Несмотря на то, что средства правительством не были отпущены, город развивался. Выросло население города — до 1 600 человек. В Петропавловск из Охотска переводится гарнизон. Формируется флотский экипаж.

Международное положение ухудшалось. Все знали, что Англия и Франция могут начать войну с Россией. 20 июня 1854 г. на корвете «Оливуца» в Петропавловск было доставлено распоряжение генерал-губернатора Н. Н. Муравьева о срочной подготовке порта к обороне. В. С. Завойко обратился за помощью к населению города, экипажам военных кораблей: «Я пребываю в твердой решимости, как бы ни многочислен был враг, мы сделаем для защиты порта и чести русского оружия все, что в силах человеческих возможно, и будем драться до последней капли крови; убежден, что флаг Петропавловского порта, во всяком случае, будет свидетелем подвигов, чести и русской доблести» (5).

Моряки, солдаты, казаки, камчадалы, жители города и близлежащих деревень всем сердцем